

ОБЩЕСТВО РУССКИХ АРХЕОЛОГОВ

С.А. Жебелёв. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921: Исторический очерк. Приложение: Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924) / Отв. ред., сост., вступит. статья И.В. Тункиной. М.: Индрик, 2017. 672 с. (Серия Ad fonts: Материалы и исследования по истории науки. Supplementum 5) ¹.

В историографии русской археологии уже преодолена её советская схема, согласно которой дореволюционный этап развития науки о древностях практически во всём осуждался, а послереволюционный период превозносился (Худяков, 1933; Арциховский, Воеводский, Киселёв, Толстов, 1937; Генинг, 1982; Пряхин, 1986). Конечно, определённый прогресс в отечественной археологии за десятилетия после 1917 года налицо, однако он был обусловлен преемственностью с традициями «старой школы» и сочетался с явным регрессом, в том числе по части организационных форм государственной и, особенно, общественной поддержки гуманитарной науки (Формозов, 1995; Щавелёв, 2017). Богатые результаты деятельности прежних — государственных (Императорской Археологической комиссии при Министерстве императорского двора (ИАК), Центрального и губернских статистических комитетов) и общественных (прежде всего Императорского Московского Археологического и ещё целого ряда центральных и региональных обществ, комитетов и комиссий) объединений ценителей археологии независимо и убедительно подтверждают новую концепцию всей отечественной истории императорского периода — как медленного, но неуклонного движения в целом успешно модернизируемой России XVIII – начала XX века от архаичной деспотии к гражданскому обществу и правовому государству (Миронов, 2014–2015 а, б). Большевики же, придя к власти, сначала вовсе ликвидировали историческое образование, почти прекратили финансирование музеев и раскопок, а затем восстановили историю и археологию, но под жёстким идеологическим контролем, в урезанном виде. Уже в первые революционные годы, а особенно на рубеже 1920 – 1930-х годов, многие учёные-гуманитарии и краеведы оказались репрессированы ², а их объединения навсегда распущены — за то, что занимались древностями своей родины (Формозов, 1998; Щавелёв, 2006). До революции за это не ограничивали в правах, тем более не лишали свободы и

¹ Первая публикация: Российская археология. 2019. № 2. С. 183–195.

² «Массовые аресты начались с объявлением в 1918 году "красного террора", а потом, пульсируя, усиливались, — ... в 1928-м, 1930-м, 1934-м и т.д., захватывая не отдельных людей, а целые слои населения, а иногда и районы городов...» (Лихачёв, 2016. С. 294); в том числе профессии, как видно на ярком примере археологов, этнографов да лингвистов.

не убивали ³, а худо-бедно материально поддерживали и награждали. Новое доказательство всему этому представляет оцениваемая работа, с нескольких сторон уникальная для академического книгоиздания.

---

³ Как большую часть переживших революцию и не эмигрировавших членов РАО. Редко кто из них ушёл из жизни обычным путём — почти всех ждали или расстрел, или гибель в концлагере, или от голода в блокадном Ленинграде. Например, Александр Иванович Анисимов (1877–1937) попал на Соловки «за шпионаж и вредительство» в Государственных Реставрационных мастерских, а расстрелян уже на Беломорканале (с. 184); Иван Спиридонович Абрамов (1874–1960) был арестован первый раз в 1930 году «по делу православных краеведов как подписчик журнала "Краеведение", сослан в Северный край на 3 года»; второй раз в 1933 году по "Делу славистов" «сослан на 3 года в Тюмень» (с. 174); профессора классической филологии и древней истории Михаила Никитича Крашенинникова (1865–1932), преподававшего в Воронеже, обвиняли в игнорировании марксизма, на что он резонно отвечал, что «никакого марксистского языкознания пока нет и преподавать его он поэтому просто не мог» (Щавелёв, 2007. С. 74); по «Делу краеведов ЦЧО» получил он 5 лет ссылки «в Северном Казахстане. Умер в Семипалатинском лагере» (С. 377); многие, многие другие.

Публикация её приурочена к 150-летию С.А. Жебелёва и к 170-летию Императорского Русского Археологического общества (ИРАО)⁴, которое было основано группой энтузиастов антиквариата, в основном иностранцев на российской службе, в 1846 году в Санкт-Петербурге как Археолого-нумизматическое; вскоре (с 1849) стало просто «Археологическим», затем (с 1866) ещё и «Русским» — в духе времени великих реформ Александра II, стремившегося преодолеть социальные противоречия между своими подданными, в том числе и аргументами к их общей славной истории. ИРАО внесло весомый вклад в развитие отечественной науки о древностях всякого рода и в просвещение соотечественников относительно истории их родины. Известный антиковед, член (с начала 1890-х годов) и заместитель председателя (в 1919–1922 годах) этого общества Сергей Александрович Жебелёв (1867–1941) своевременно и объективно подытожил этот вклад в рукописи, скромно названной «историческим очерком», — «Русское Археологическое общество за третью четверть века своего существования (1897–1921)». Если учесть, что общество было закрыто большевиками в 1924 году, а трактат Жебелёва так и остался неизданным, то его полная и детально прокомментированная публикация сегодня представляет собой важное событие как в научном, так и в нравственном отношении.

«Автором идеи», как сейчас говорят, то есть инициатором и душой этого издания стала И.В. Тункина — директор Санкт-Петербургского филиала Архива Российской Академии наук, известный специалист по истории гуманитарной науки, прежде всего археологии. Ирина Владимировна нашла машинописную авторизованную корректуру рукописи Жебелёва в Научном архиве ИИМК РАН; написала пояснительное вступление в ней (с. 7–16); возглавила работу её комментаторов (С. 95–172); которые очень удачно решили приложить к публикуемому сочинению «Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924)» за весь период его существования (С. 173–640), где большинство статей принадлежит её же перу.

Свой труд академик написал в начале 1920-х годов, но в свет он тогда не вышел по вполне понятной причине — новая власть нуждалась в

---

⁴ Определение «Императорское» и авторы-составители рецензируемого издания, и другие нынешние историографы предпочитают опускать при упоминании соответствующих учреждений науки и культуры царского времени. Между тем оно, это определение, отнюдь не было формальной данью верноподданнической традиции, но позволяло получать ежегодно казённую субсидию и разовые дотации (на покупку коллекций древностей, раскопки и другие экспедиции, строительство музейных зданий и т.п. нужды учёных). Без такой адресной поддержки со стороны самодержавного государства наука и просвещение в империи были просто невозможны. И.В. Тункина, впрочем, отметила это обстоятельство, показав незаменимую роль первых председателей ИРАО, великих князей Константина Николаевича (1852–1892) и Константина Константиновича (1892–1915), «сумевших обеспечить увеличение финансирования и поддержку правительства многих начинаний отечественных учёных в области охраны памятников, археологии и смежных дисциплин» (С. 9).

литературе совсем другого рода, нежели история учреждений императорской России. Угадывается и мотив этой работы у автора, чей возраст приближался к 60 годам: показать всем возможным читателям, что его и его коллег научная работа и при «проклятом царизме» принесла пользу родине. В самом деле, ИРАО объединяло в своих рядах цвет столичной интеллигенции — специалистов из Императорской Академии наук, Императорского Санкт-Петербургского университета, Императорской Археологической комиссии, Петербургских же Историко-филологического и Археологического институтов, Императорского Русского Географического общества (ИРГО), Академии художеств, Эрмитажа, Русского музея, Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамеры), других учреждений науки и культуры. Их было много больше, нежели потом в СССР, и работали они с древностями, по крайней мере в провинции, куда продуктивнее, чем краеведческие музеи да педагогические институты советского времени.

Причём археологию сто с лишним лет назад ещё понимали гораздо шире сегодняшнего. К её компетенции относили не только ископаемые артефакты, но и все остальные древности — архивные документы, этнографические сборы, фольклорные записи, иконы и прочие образцы старого искусства; разные вспомогательные для исторической науки дисциплины. Поэтому в организационной и кадровой структуре ИРАО были представлены практически все отрасли историко-филологической науки — антиковедение, византистика, разнорегиональное востоковедение, славяно-русские древности; наконец, нумизматика. Так что выпущенный И.В. Тункиной со товарищи том привлечёт внимание не одних только археологов, но и многих других гуманитариев.

Историографическая форма работы С.А. Жебелёва — обзор результатов деятельности того или иного учёного объединения за четверть-, либо полувековой, т.п. периоды его деятельности — был принят в дореволюционной академической традиции. Подобные издания посвящались самому ИРАО (Веселовский, 1900), конкурировавшему с ним ИМАО (Историческая записка, 1890; Уварова, Бороздин, 2015) и другим подобным коллективам. Структура опубликованной теперь монографии повторяет упомянутую книгу Н.И. Веселовского, посвящённую 50-летию общества. Здесь 16 глав, дающих сначала общую характеристику деятельности ИРАО, его руководящих органов и лиц (Общего собрания, Совета, Ревизионной комиссии; председателей и их помощников, секретарей; затем всех четырёх отделений, упомянутых мной выше); музея и библиотеки; сведения о финансах; перечень раскопок и иных экспедиций; обзор издательской деятельности; каталог присуждённых им медалей и других знаков поощрения; список личного состава с датами избрания) за первое 75-летие общества; наконец, «вместо послесловия» — очерк «Последние годы жизни Общества» и справка про обстоятельства его ликвидации.

Периоды деятельности ИРАО показательны для становления и развития всей отечественной археологии. Сначала, с 1846 года в его рядах

объединились коллекционеры старинных монет да кабинетные историки, филологи-классики. По большей части весьма сановные лица, причём космополитического настроения (издания Общества выходили поначалу на французском и немецком языках). Однако среди членов-учредителей Общества оказался молодой тогда граф Алексей Сергеевич Уваров (1825–1884), который со временем сумел стать основателем всей русской археологии как науки. Впоследствии он создал Московское Археологическое общество и Российский Исторический музей, выступил инициатором проведения всероссийских Археологических съездов. В своём предисловии И.В. Тункина отметила эволюцию ИРАО к национальному русскому направлению и кадровому составу. «Русская партия» в обществе уже через пару-тройку лет направило его деятельность в первую очередь на отечественные древности, причём не только антикварно-коллекционные, но и «просто» источники познания далёкого прошлого страны и её народов. При этом связи с иностранными археологами отнюдь не сократились, многие европейские светила (вроде Э. Миннза, Т. Арне, А.М. Тальгрена, занимавшихся памятниками Евразии) по-прежнему украшали список членов общества, как и представители науки и культуры огромного Востока.

*С.А. Жебелёв смотрит на Страну советов с затаённой иронией?..
Фото с сайта «Россия и христианский Восток».*

С 1851 года ИРАО разделилось на отделения — славяно-русское; восточное; классическое (греко-римской, византийской и западноевропейской археологии); наконец (только с 1904 года), нумизматическое. В итоге его документальный фонд (№ 3, опись 1) в

Научном архиве ИИМК РАН вместе с исходившими из Общества бумагами в других хранилищах весьма информативны как для истории науки, так и для её нынешней практики (отчёты о раскопках, опубликованные документы истории разных стран и т.п. первоисточники). Обозреваемое издание служит необходимым путеводителем в огромном наследии ИРАО и сотрудничавших с ним объединений гуманитариев.

В этой связи выскажу его составителям упрёк: я не нашёл в нём сравнения ИРАО с другими, однопрофильными учёными обществами тогдашней России. Все похвалы ИРАО, высказанные составителями, вполне справедливы, однако у столичного объединения учёных имелись свои недостатки. По сравнению с ИМАО оно не только в первые годы своего существования, но в какой-то мере впоследствии являлось более кастовым, даже аристократичным, чиновным; представителей разночинной интеллигенции в его рядах и на его заседаниях было куда меньше, чем в ИМАО или в сети иногородних членов-корреспондентов ИРГО. Между тем именно на рубеже XIX–XX веков разночинцы всё заметнее теснили в гуманитарной науке и культуре дворян да богатых купцов. Правда, в одном из примечаний И.В. Тункина признала, что А.С. Уваров «вынес определённый урок из раскола петербургского Общества» (С. 9) и постарался преодолеть «обыкновенную замкнутость наших учёных обществ» в уставе ИМАО.

Причём отдельные эпизоды конкуренции, конфликтов между археологами — выходцами из разных сословий тогдашней империи не должны заслонять их же плодотворного сотрудничества, альянса центра — Академии, университетов, институтов, обществ вроде ИМАО — и региональных — губернских и даже уездных кружков любителей археологии. Последние учились правильной работе с древностями на уваровских съездах, в совместных экспедициях со столичными авторитетами, в центральных архивах древних актов; находились со своими шефами в центральных инстанциях в постоянной деловой переписке. Эта — координационная, межрегиональная сторона институциональной истории науки в деятельности ИРАО была выражена слабо. Наверное, потому что оно было старейшим у нас в стране, располагалось в бюрократической столице империи, а его уклад определился ещё в дореформенной — ультрасословной России. Как говорят французы — наши недостатки суть продолжение наших же достоинств... Хотя соперничество археологов из старой и новой столиц порой даже шло на пользу делу. Так, богатейший курганник славян и Руси на Верхнем Псле — курское Гочево сначала копал москвич Д.Я. Самоквасов при поддержке членов Курской губернской учёной архивной комиссии, а после его кончины П.С. Уварова послала доследовать эти могилы сотрудника ИМАО В.С. Львовича, а А.А. Спицын по линии ИРАО — В.Н. Глазова. Отчёты их всех сохранились в архиве ИАК и используются нынешними археологами (Щавелёв А.С., Щавелёв С.П., 2003).

Необходимо отметить особую важность для гуманитарной историографии того хронологического отрезка, который охватывает этот труд С.А. Жебелёва (1897–1921) и приложенный к нему новейший словарь биографий тогдашних археологов (1846–1924). Во-первых, это, по сути, весь период становления русской науки об исторических древностях — с момента оформления первых объединений любителей археологии и до её перехода на явно «советские рельсы». За указанное время наука и практика обращения с древностями поднялись от их коллекционерства и прикладного знаточества до вполне научных даже на современный взгляд методик раскопок и дальнейшей обработки их находок. Однако не только достижения, но и потери относительно культурно-исторической памяти у нас в стране видны из всей этой книги. Ведь, во-вторых, она же демонстрирует весь трагизм перехода учёных и краеведов из самодержавной России в тоталитарный СССР.

За примерами читателям «Исторического очерка» С.А. Жебелёва далеко ходить не надо. Сам его автор, уже накануне революций 1917 года авторитетный антиковед, одним из первых среди своих оставшихся на родине коллег стал активно служить новой — радикальнейшей идеологии, парадоксальному политическому режиму большевиков. Сперва он сделался товарищем (заместителем) председателя ГАИМК и был избран академиком, но под конец 1920-х годов уволен и с поста вице-президента ГАИМК, и из Ленинградского университета; в начале 1930-х его печатно называли «классовым врагом на историческом фронте», «махровым реакционером» (Тункина, 2000). Чтобы не разделить печальную судьбу коллег, репрессированных по «Академическому делу» и т.п. процессам, учёный, не без нравственных потерь переживший собственное «дело Жебелёва», решился подыграть официозному марксизму властей — опубликовал статью о «революции рабов» под руководством скифа Савмака на античном Босфоре. Хотя другие античники критиковали его перевод соответствующей надписи на плите из Херсонеса, раскопанной ещё в 1878 году, Сталин в речи на съезде колхозников-ударников в 1933 году сочувственно упомянул эту самую «революцию рабов». Высосанная из пальца аналогия с седой древностью бросала облагораживающую тень на зверства большевиков. С тех пор положение Жебелёва в СССР упрочилось на всю оставшуюся жизнь. Его вернули на службу и в университете, и в академии, а его «открытие» вошло в школьные учебники (Формозов, 2006. С. 164–172). Так что в обозреваемом мной издании репутация Жебелёва несколько идеализирована ⁵, хотя сглаживание острых (для кого-то) углов его биографии несколько не снижает ценности публикации выполненной им истории ИРАО.

---

⁵ В другой публикации сложная проблема морального выбора учёного в условиях массового террора представлена более реалистично (Тункина, Фролов, 1993).

Ведь кроме своих прямых занятий греко-римской античностью Сергей Александрович небезуспешно занимался историей науки, той же археологии (Жебелёв, 1923). Так что его оценки усилий и достижений столичного объединения археологов были сформулированы со знанием дела, на широком международном фоне.

Как «Приложение» к труду С.А. Жебелёва скромно обозначен составительницей «Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924)», занимающий две трети всего тома. Ёмкие и точные характеристики всех персонажей «исторического очерка» и многих других работников на ниве отечественной археологии практически всего периода её становления представляют и самостоятельный интерес — как возможный макет энциклопедического словаря «Археологи России», первого тома (?) такого издания, которое когда-нибудь да состоится (Щавелёв 2017). Собираение, уточнение массы биографических и библиографических данных требует от историка науки и практики высочайшей квалификации, огромной эрудиции и каторжного труда. А тут насчитывается 855 персональных статей! Большая их часть пришлась на долю И.В. Тункиной — 650, из них 233 в соавторстве с Л.Д. Бондарь, Е.Н. Груздевой, Е.Г. Застрожной, Е.Ф. Корольковой, М.В. Медведевой, М.В. Поликаровской, Э.Ю. Светловой, В.Ю. Соболевым, «написавшими от одной до нескольких справок или дополнившим уже имеющиеся данные (с. 15).

Структура каждой словарной статьи вполне академична и весьма информативна: фамилия, имя, отчество (с разночтениями в нужных случаях; с латиничной транскрипцией для иностранцев); годы жизни; перечисление специализаций персонажа, рода его общественных занятий; учёных степеней и званий; чинов гражданской или военной службы; титулов и придворных должностей (при наличии); место рождения, условия домашнего воспитания и последующего образования; основные вехи службы; главные научные и организационные достижения, включая проведённые раскопки; членство в ИРАО (член-сотрудник, действительный член; посты в руководстве обществом) и других научных объединениях своего времени; причины, место кончины и захоронения (если известны).

Биографические справки написаны не формально, а исторически конкретно и научно концептуально; во многих из них отмечены особые заслуги соответствующих лиц в деле спасения и изучения древностей. Скажем, из первой же статьи словаря — про князя Семёна Семёновича Абамелек-Лазарева — мы узнаём, как он, путешествуя по Востоку, вёл раскопки в Пальмире (1882), где открыл двуязычную надпись 137 г. н. э. — древнейший таможенный тариф на арамейском и греческом языках, сумел на свои средства вывезти её в Россию вопреки запретам, «оформив вывоз как дар султана императору» (173) и поместив уникум в Эрмитаж.

Перед нами, я бы сказал, мини-монографии о десятках учёных и краеведах. Продолжить знакомство с каждым из персонажей словаря заинтересованный читатель сможет, руководствуясь литературной частью

статей, которая учитывает: выходные данные основных трудов этого члена Общества; его рукописи и отзывы о нём, архивированные в фонде ИРАО (с шифрами единиц хранения и даже их листов); основные оценки его деятельности и наследия в историографической литературе (включая электронные ресурсы).

Авторы этого справочника при составлении его словника не ограничились, как это обычно у нас делается в изданиях энциклопедического жанра, представителями академической науки, кастовыми учёными, а широко представили разного рода любителей древностей — коллекционеров, знатоков старинных вещей, краеведов, меценатов. Во многих статьях словаря отмечается их помощь профессиональным археологам, но также и определённые недостатки их же дилетантского подхода к древностям. Для такой огромной державы, как Россия, с учётом особенностей её исторического развития, нипочём не напасть сертифицированных специалистов по надзору за состоянием памятников старины, по выявлению, изучению и хранению древностей; просвещённые краеведы всегда вносили свой незаменимый вклад в это дело, разумеется, при условии добросовестного сотрудничества с официальными центрами науки и образования, их представителями.

Большинство статей украшены фотопортретами соответствующих персон. Хотя иные из этих картинок поневоле воспроизведены со старинных и не всегда качественных оригиналов, все они производят на неравнодушного зрителя сильное впечатление. Краски разных эпох мерцают на чёрно-белых портретах наших предшественников: их лица, позы, причёски и платье — мундиры военной и гражданской службы, ордена и другие знаки отличия особ сановных и чиновных (включая богатые ризы церковнослужителей); скромные одёжки разночинной интеллигенции... «Эмалевый крестик в петлице / И серой тужурки сукно... / Какие прекрасные лица / И как это было давно» (Георгий Иванов). Лишний раз убеждаешься в том, что археология всегда — не просто одна из гуманитарных наук, но и важная сторона общественно-политической практики социума, особенно модернизируемого после архаичного застоя на современный лад (Смирнов, 2014).

Кроме индивидуальных портретов книга включает два десятка коллективных изображений разновременных составов ИРАО и родственных объединений учёных. Многие фотографии публикуются впервые, персонажи на них заново атрибутированы очень полно, так что читатели получат редкую возможность увидеть в лицо массу тех авторов, которых они знали только по именам в заголовках статей и книг.

Подготовка этого исследования получала финансовую поддержку РГНФ (Светлая ему память!), а издание осуществлено за счёт РФФИ и потому «не подлежит продаже» (с. 4). Для многих археологов и историков гуманитарных наук оно уже превратилось в настольный справочник, но востребовано будет в этом качестве, безусловно, гораздо шире и дольше, так

что составителям и издателям стоит позаботиться о доступности его электронной версии на каких-то разумных для среднего (по деньгам) читателя условиях.

Кстати сказать, книгоиздательская серия Санкт-Петербургского филиала архива РАН, в рамках которой вышел этот том, именуется «К источникам. Материалы и исследования по истории науки». Название напоминает о необходимости в научной работе обращаться к первоисточникам, а не брать материал из вторых рук. Приветствуя всю серию и особенно этот 5-й выпуск её supplementum'a, повторю, что раскопки и музеи древностей не только обогащают науку об отдалённом прошлом человечества и его народов, но и так или иначе влияют на практику жизни и культуры — массовые настроения (чаще всего с помощью журналистики), оформляют культурно-исторический ландшафт нашего проживания; дают материал для педагогики, философии, искусства, идеологии, политики, дипломатии. Эти — практические функции археологического знания ярко показаны и в исходном труде С.А. Жебелёва, и особенно в комментариях его публикаторов.

Как видно, можно поздравить Ирину Владимировну Тункину и её сподвижников по публикации реанимированной на современных условиях рукописи академика С.А. Жебелёва, пролежавшей в архиве почти сто лет. Вот уж воистину — «рукописи не горят» (реализма ради добавив к афоризму великого мастера литературы — «если они помещены в академическое архивохранилище»). Помимо всех отмеченных выше достоинств солидного издания, оно подаёт всем нам своевременный сигнал — юбилейные итоги работы учреждений и лиц науки и культуры необходимо подводить столь же содержательно и своевременно, как это сделали автор и публикаторы его замечательного справочника.

Литература

1. Арциховский А.В., Воеводский М.В., Киселёв С.В., Толстов С.П. О методах вредительства в археологии и этнографии // Историк-марксист. 1937. № 2 (60). С. 78–91.
2. Веселовский Н.И. История Императорского Русского Археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846–1896. СПб.: Типография главного управления уделов, 1900. 514, [4] с.
3. Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии. Киев: Наукова думка, 1982. 230 с.
4. Жебелёв С.А. Введение в археологию. Ч. 1. История археологического знания. Пг.: Наука и школа, 1923. 199 с.
5. Историческая записка о деятельности Императорского Московского Археологического общества за первые 25 лет существования. М.: Синодальная типография, 1890. [2], 308 с.
6. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 896 с.; Т. 2. 2015 а. 912 с.; Т. 3. 2015 б. 992 с.
7. Лихачёв Д.С. Воспоминания. М.: АСТ, 2016. 448 с.
8. Пряхин А.Д. История советской археологии. 1917-й – середина 30-х годов. Воронеж: ВГУ, 1986. 286 с.

9. *Смирнов А.С.* Власть и организация археологической науки в Российской империи (Очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века). М.: Ин-т археологии РАН, 2011. 592 с.
10. *Тункина И.В.* «Дело» академика Жебелёва // Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и России. Вып. II. СПб.: Алетейя, 2000. С. 116–160.
11. *Тункина И.В., Фролов Э.Д.* [публ.] СА. Жебелёв. Автонекролог // ВДИ. 1993. № 2. С. 173–201.
12. *Уварова П.С., И.И. Бороздин [ред.]* Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864-1914 гг.). Т. 2. Биографический словарь членов общества. Список трудов членов общества, помещённых в изданиях общества. М.: 1915. XXII, 445, 256, [1] с.
13. *Формозов А.А.* Русские археологи до и после революции. М.: ИА РАН, 1995. 114 с.
14. *Формозов А.А.* Русские археологи и политические репрессии 1920–1940-х годов // РА. 1998. № 3. С. 191–206.
15. *Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. 2-е изд., доп. М.: Знак, 2006. 344 с.
16. *Худяков М.Г.* Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л.: ОГИЗ– ГАИМК, 1933. 162, [2] с.
17. *Щавелёв А.С., Щавелёв С.П.* Камерные ингумации Гочева: юго-восточная реплика варяго-русского погребального обряда // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст. Матеріали Міжнародного польового археологічного семінару (Чернігів — Шестовиця 17–20 липня 2003 р.). Чернігів: Сіверянська думка, 2003. С. 194–200.
18. *Щавелёв С.П.* «Дело краеведов ЦЧО» 1930–1931 годов. (Курский «филиал»). Курск: КГМУ 2007. 272 с.
19. *Щавелёв С.П.* От Курской учёной архивной комиссии (1903–1922 гг.) к советскому обществу краеведения (1923–1930 гг.): разгром региональной археологии в СССР // 1917 год: российская археология на переломе эпох. Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. *И.А. Сорокина*. М., ИА РАН, 2017. С. 82–85.
20. *Щавелёв С.П.* Биобиблиографический словарь «Археологи России»: соображения к проекту // V (XXI) Всероссийский Археологический съезд. Сб. научных трудов. Барнаул: изд-во Алтайского гос. ун-та, 2017. С. 1185–1186.